

А Н А Т О Л И Й К О Н И

Один из самых известных русских судебных деятелей

ЛУЧШИЕ РЕЧИ

**ЛУЧШЕ НИЧЕГО НЕ СКАЗАТЬ,
ЧЕМ СКАЗАТЬ НИЧЕГО**

**Москва
2024**

УДК 34(47)(091)

ББК 67.5

К64

Кони, Анатолий Фёдорович.

К64 Лучшие речи / Анатолий Кони. — Москва :
Эксмо, 2024. — 480 с. — (Философия в кармане).

ISBN 978-5-04-201109-2

В этом сборнике представлены не только самые выдающиеся речи А. Кони в качестве обвинителя, но и широко известные напутствия присяжным, а также кассационные заключения, написанные им уже во время работы судьёй. «Лучшие речи» показывают, насколько усердно и энергично Анатолий Фёдорович работал во имя справедливости. Он был искренне предан своему делу и умел находить решения даже в самых трудных случаях, выделяясь среди других судебных деятелей своей честностью и неподкупностью.

УДК 34(47)(091)

ББК 67.5

ISBN 978-5-04-201109-2

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

I. Обвинительные речи	5
По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акций Тамбовско-Козловской железной дороги, а последний, кроме того, в приготовлении к отравлению	7
По делу об убийстве коллежского асессора Чихачева	55
По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем	92
По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова	112
По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов Зыбиных	141
По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Герминии Акар, обвиняемой в выпуске таких билетов в обращение	162
По делу о подлоге завещания от имени купца Козьмы Беляева	197
По делу о нанесении губернским секретарем Дорошенко мещанину Северину побоев, вызвавших смерть последнего	274
По делу об игорном доме штабс-ротмистра Колемина	315
По делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности	329

II. Руководящие напутствия присяжным	355
По делу коллежского советника Константина Юханцева, обвиняемого в растрате сумм Общества взаимного поземельного кредита	357
По делу о французской подданной Маргарите Жюжан, обвиняемой в отравлении	377
III. Кассационные заключения	395
По делу о мултанском жертвоприношении	397
По делу бывшего нотариуса Назарова, обвиняемого по 1525 статье Уложения	416
По делу Ольги Палем, обвиняемой в убийстве студента Довнара	443

I. ОБВИНИТЕЛЬНЫЕ РЕЧИ

*По делу об акушере Колосове и дворянине
Ярошевиче, обвиняемых в участии
в подделке акций Тамбовско-Козловской
железной дороги, а последний, кроме
того, в приговлении к отравлению*

В ноябре 1871 г. акушер Василий Колосов заявил в Третье отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, что боится за свою жизнь, так как ожидает мести купца Александра Ярошевича, с которым поссорился накануне. Колосов обвинил его в сговоре с его отцом, Феликсом Ярошевичем, которому удалось сбежать за границу после того, как его приговорили к ссылке в Сибирь, и помощи в организации побега.

После заявления Колосова купец Ярошевич попытался помириться с ним и позвал его за границу. Колосов согласился на это предложение, и они вместе с купцом отправились в дорогу 5 января 1872 г. Впоследствии стало известно, что Ярошевич планировал отравить акушера, при этом все трое оказались замешанными в подделке акций для их дальнейшей продажи.

* * *

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вам предстоит произнести приговор по делу весьма сложному и во многих отношениях весьма интересному.

Оно интересно по свойству преступления, по обстановке, при которой оно совершено, и по личностям самих подсудимых. Вам, господа присяжные заседатели, в течение вашей довольно продолжительной сессии приходилось встречаться преимущественно с подсудимыми обыкновенного типа. По большей части это были обвиняемые в обыденных преступлениях, преимущественно в краже. Бедность, неразвитость, отсутствие безвредных развлечений и иногда крайне печальная нравственная и бытовая обстановка являлись причинами, привлекавшими их на скамью подсудимых. Совершив преступление, нарушив закон, они заслуживали по большей части наказания, но тем не менее нельзя не пожалеть, что они были поставлены судьбою в положение, которое благоприятствовало совершению преступления. Но ничего подобного в настоящем деле мы не видим. Перед нами другие подсудимые. Перед нами люди, которые, во всяком случае, имеют некоторую претензию считаться лицами развитыми, которые имеют средства к существованию довольно определенные, а один из них — даже сравнительно весьма большие. Эти лица могли бы совершенно иначе сложить свою жизнь, чем они ее сложили, могли бы отдать ее такой деятельности, которая не привлекает в конце концов на скамью подсудимых. Я думаю, что напряженное внимание, с которым вы относились к судебному следствию, избавляет меня от необходимости указывать вам на многие мелочные подробности дела. Поэтому я буду касаться только выдающихся его сторон, будучи убежден, что остальное дополняют ваша память и совесть. Вы точно так же не упустите из виду и того, что дело это приподнимает кусочек завесы над деяниями, совершаемыми во мраке и редко всплывающими на свет Божий, над действиями, которые совершенно напрасно старается приурочить один из подсудимых

к целям общего блага и спокойствия. Вы взгляните в эти деяния пытливым взором и в приговоре вашем оцените их нравственное достоинство. Я начну с истории возникновения настоящего дела. В конце ноября или начале декабря 1871 года полиции дано было знать акушером Василием Петровичем Колосовым, что его готовят к отравлению, причем он просил принять против этого меры. Еще прежде того он являлся к начальнику секретного отделения генералу Колюшкину и заявлял ему о каком-то обнаруженном им в Петербурге политическом преступлении. Он пришел к нему взволнованный, крайне раздраженный, бессвязно говорил, что его хотели побить, что положение его очень неприятное, что существует политическое преступление и проч. Через несколько времени он заявил, что существует уже не политическое преступление, но что его хотят отравить как человека, знающего о другом общем преступлении... По его указанию был установлен надзор за некоторыми лицами, и действительно, в конце декабря было обнаружено такое обстоятельство, которое ясно указывало на созревшую мысль убийства посредством отравления. Это было письмо Никитина, которое вчера вам было прочитано. В нем говорилось о прохладительных средствах, о прописании ижицы и т. д. Когда затем, в январе 1872 года, Колосов и Ярошевич поехали за границу, они были задержаны в Динабурге и у одного из них найден яд. Ярошевич был привезен в Петербург, и дело передано судебной власти. Затем был произведен обыск у Никитина, причем найдены 253 акции Тамбовско-Козловской железной дороги, изъятые и перегнутые, согласно предварительным указаниям Колосова. Таково было первоначальное положение дела в половине января. Распределение ролей было следующее: с одной стороны, явился Никитин, который с ужасом заявлял,

что он жертва какой-то интриги, ему непонятной, но, по его выражению, «адской», и объяснял, что акции получены от Колосова, о чем была сделана и надпись на бумаге, в которую они были завернуты; с другой стороны, был Ярошевич, который ни в чем не сознавался и упорно ото всего отпирался, ведя свою борьбу с замечательным умением и выдержкою. Наконец, ждал защиты человек, потерпевший от преступления, на жизнь которого самым коварным образом покушались и который был едва-едва спасен. Эта жертва преступного замысла — был Колосов. В таком положении дело стояло почти месяц. В нем, в сущности, был установлен только один факт, что акции поддельные. Почему они признавались поддельными — повторять излишне. Вы слышали здесь третьего дня показания полковника Жеванова и видели как самые акции, так и фотографии с инструментов и машин, посредством которых они приготавливались. Такое положение дела не могло, однако, продолжаться долго. Необходим был какой-нибудь случай, который заставил бы задержанных сделаться более откровенными и каждого поставил бы на принадлежащее ему по праву и по заслугам место. Этот случай явился на помощь правосудию. Он выразился в письмах, явившихся сразу с трех сторон. Господину Кольшкину было написано четыре письма Феликсом Ярошевичем из-за границы, отрывки из них были вам прочтены. В то же время у Никитина было взято, при внезапном обыске в тюрьме, написанное на клочках бумаги письмо к жене, и, наконец, одновременно с этим прокурор окружного суда получил письмо от Ольги Ивановой с приложением письма на имя Александра Ярошевича. В письмах Феликса Ярошевича он сознавался, что подделывал акции, просил только снисхождения для своего семейства и указывал на участие в этом деле Колосова. Затем в письме, написанном Ни-

китиным, которое, по нашему мнению, представляет непрерывный стон отчаяния, стыда и гнева на сознательное бессилие, он указывает неоднократно намеками на то, что Колосов должен быть привлечен к делу, в которое втянул других. Но самое решительное влияние на дальнейший ход следствия произвело письмо Ольги Ивановой. В этом письме она упрекала Ярошевича за то, что он в тайно переданной записке уговаривал ее дать ложное показание. Она отказывается исполнить его просьбу, она негодует, прерывает с ним всякие сношения и спешит поделиться своим негодованием с прокурором. Когда это письмо было предъявлено Ярошевичу, он заявил, что во всем желает сознаться. Очевидно, что оно поразило его глубоко и неотразимо. Сознание последовало через два дня после этого. Он подробно рассказал обстоятельства дела и оговорил Колосова. Тогда прокурорский надзор привлек к делу и «жертву преступления», и Колосов из потерпевшего обратился в обвиняемого. Таким образом, роли изменились и явилось трое обвиняемых. Из этих трех лиц одно в настоящее время находится в предсмертном состоянии. Это — Никитин. Жизнь его, богатая тревожностями, угасает, и он скоро предстанет пред другого судию... Но двое других находятся теперь пред нами, и вам, господа присяжные, предстоит решить, какую роль играл каждый из них в деле и преимущественно какую играл Колосов, так как Ярошевич во многом довольно откровенно сознался. Вам предстоит решить, что за личность Колосов: есть ли это действительно горячий патриот, неуклонно шедший по пути к славе, человек, который старался оградить Россию от опасности и защищал русское государство, как он выразился, «от шатких» людей, человек чрезвычайно добрый и благотворительный, вытаскивающий за свой счет и страх из грязи людей и имеющий значительные

общественные и служебные связи, или это простой, обыкновенный смертный, очень желчный, весьма недобросовестный, который навязывался со своими услугами по соглядатайству и которого из простой вежливости не выталкивали вон, неосторожно позволяя ему думать, что он оказывает бескорыстные услуги, под покровом которых он обдeldывал собственные нечистые дела. Обвинение полагает, что он человек второго рода, а не первого. Это я и постараюсь доказать, а вы решите окончательно.

Подсудимые обвиняются в подделке акций. Подделка акций есть преступление весьма сложное, она не может быть совершена одним лицом, для нее необходимо участие нескольких лиц, необходима взаимная помощь, взаимная поддержка, проверка и контроль. Затем, такое преступление не может совершиться в узких пределах одного места: необходимо развозить, сбывать поддельные бумаги, чтобы получить от них барыши. Поэтому участвующие в преступлении лица могут быть раскиданы на большом пространстве, между ними в этом случае должно быть распределение работы по общему согласию, должна быть переписка, должны оказаться связанные между собою следы их действий. Наконец, люди, которые решаются на такое преступление, — люди опытные и знающие жизнь; у них все заранее бывает предусмотрено и, главным образом, придумано — на случай неудачи — более или менее правдоподобное объяснение своих действий; чтобы соединиться на такое преступление, люди не могут прийти без своего рода «аттестата зрелости» прямо с улицы: это не то, что украсть со взломом. Наконец, для организации такого союза нужно иметь известную, удобную бытовую обстановку. Если при исследовании такого преступления мы находим, что бытовая обстановка обвиняемых такова, что им было удобно его совершить; если подделка несо-

мненна и мы находим между заподозренными следы таинственной корреспонденции и остатки деловых сношений; если объяснения участников неудовлетворительны и противоречивы, то есть основание говорить, что эти люди виновны. Я полагаю, что все эти данные в настоящем деле существуют.

Прежде всего начну с личностей, которые принимали участие в этой подделке. Вы знаете, что в 1867 году в Петербурге разбиралось дело письмоносцев. Это было воровство, организованное в широких размерах, к которому было приобщено много лиц, в центре коих стоял Феликс Ярошевич. Это человек бывалый; он, как вы слышали, был управляющим в нескольких имениях, в Петербурге устраивал общество земельного удобрения, занимался разными аферами, был частным ходатаем по делам и, наконец, пастырем весьма ловких воров и весьма плохих письмоносцев. Будучи осужден по делу письмоносцев и содержась под стражею, он бежал и очутился за границую. Мы имеем целый ряд его писем и вообще разные указания для характеристики его личности. Письма его, вам прочитанные, указывают на то, что у него весьма наблюдательный, живой и вместе с тем тонкий ум. Вместе с тем это человек холодный и черствый, потому что только такой человек способен хладнокровно и язвительно подшучивать над будущей судьбою «милого друга» и «больного», которого он собирается отправить на тот свет, «прописав ему ижицу»; только такой человек может сознательно и систематически втянуть двоих юношей, своих сыновей, в опасное и преступное дело. Очутившись в Константинополе после бегства, без знакомых и без определенных средств к существованию, он не упал духом; из писем его видно, что уже там он начинает различные предприятия и уже тогда задумывает он что-то, тщательно маскируя свои замыслы. Он пишет в первом письме из-за границы,

что очень желает служить России, хотя такая услуга ему кажется мечтой. «Как могу я, — восклицает он, — оказать услугу такому громадному, могущественному государству?!» Вы знаете, господа присяжные заседатели, во что выродилось это желание оказать услугу нашему «громадному и могущественному» отечеству. Вообще, Феликс неразборчив на средства. Узнав, что Олесь, сын его, арестован, он предлагает взамен его помилования устроить переплетную и типографию для своих соотечественников поляков-эмигрантов и ручается, что будет их выслеживать со знанием дела до тонкости и, пользуясь своим положением, выдавать их тайны, их замыслы, а при случае — и их самих. Он никогда не сидит сложа руки и постоянно занимается за границею составлением проектов особого устройства пушек, колодцев и разных горнозаводских машин. Все это указывает на человека энергического, духом не падающего, деятельного. Таков отец подсудимого Ярошевича. Этот человек оставил в Петербурге семейство, состоящее из малолетнего в то время сына Болеслава, сына Александра, дочери и жены. Он оставил им небольшое состояние. Это не подлежит сомнению и, помимо сознания А. Ярошевича, доказывается и тем, что ни в одном из писем Феликса нет указания на то, чтобы он беспокоился о том, чем существует его семья, нет указания на то, чтобы он горевал, что оставил семью без куска хлеба, нет вопроса — чем живет покинутое семейство? Он стоял в центре весьма большого, правильно организованного предприятия письмоносцев. Плоды этого преступления, вместе с остатками прежних средств, и составили капитал семьи Ярошевичей. Средства эти расходовались чрезвычайно осторожно и скупно.

Конечно, иначе было нельзя поступать, так как главный их приобретатель, кормилец семьи, был за гра-

нищей; он первое время ничего не зарабатывал, а еще самого его необходимо было содержать. Вот чем объясняется та скучная обстановка, в которой, по-видимому, жило семейство Ярошевича. Александр Ярошевич познакомился с Колосовым в то время, когда, после бегства отца за границу, семья осталась хоть со средствами, но не столь большими, чтобы не иметь прямо расчета не платить по векселям отца, чтобы не желать выйти без убытка из разных исковых неприятностей. Жена Ярошевича, не знающая по-русски, часто бывала в затруднительном положении, и подрастающие дети оставались без руководителя. Очевидно, семья нуждалась в друге, в руководителе, в мужчине, и он действительно явился в лице Василия Петровича Колосова. Мы знаем нечто из прошлой жизни этого человека.

Он кончил курс в Московском университете, был уездным врачом в Валдае, потом в Крестцах. Врачом он был недолго, так как на него пало обвинение в подлоге и он был приговорен уголовною палатою и просидел четыре года в крестецком остроге, до рассмотрения дела Сенатом, который оставил его «в подозрении». Он, вероятно, не ладил со своими сослуживцами, потому что обвинялся еще и в составлении ложного доноса на валдайского исправника, которого он называл делателем фальшивых ассигнаций. Вырвавшись из Крестцов, он приехал в Петербург. Здесь он начинает понемногу заниматься акушерством и знакомится с семейством Ярошевичей, скоро делается другом их дома, вытягивает их из грязи... В чем, однако, состояло это вытаскивание, Колосов не объяснил нам. По-видимому, оно заключалось в том, что он приобщил к своим средствам капитал Ярошевичей и явился руководителем Олеся в его первых шагах на житейском поприще. Он сделался другом Олеся в его первые юношеские и даже отроческие годы, когда все впечатления особенно живы

и остаются навсегда в душе. Мы знаем, как Колосов воспользовался своим положением и какое развитие дал своему питомцу. Мы здесь слышали весьма характеристическое заявление самого Олеса о том, что впервые он был «представлен» в публичный дом Колосовым и что он же приурочил его к занятиям по пенсионным книжкам и по кассе ссуд, а какое это было занятие — понятно. Достаточно лишь указать на то, что, по показанию Кольшкина, секретному отделению специально было поручено следить за лицами, выдававшими ссуды под пенсионные книжки, так что по этому поводу был привлекаем к спросу и Яршевич. Очевидно, что такое занятие — занятие не чистое, а темное и по своим приемам предосудительное. Когда операция по ссудам под пенсионные книжки оказалась малоодоходной, была устроена гласная касса ссуд. Это было в 1868 году. Вы помните, господа присяжные заседатели, то время, когда у нас в Петербурге особенно много расплодилось подобных гласных и негласных касс. Почти на всех главных улицах, на углах больших домов, как хищные птицы, уселись вывески «Гласная касса ссуд». Как мягко действовали подсудимые в своей гласной кассе ссуд, как брали они вперед по 10 процентов в месяц с процентами на проценты, мы знаем из показания Ярошевича. Правда, Колосов утверждает, что это была не ростовщическая контора, а напротив — благотворительное учреждение, нечто вроде парижского *Mont de Piete* [ломбард (*фр.*)], которым он хотел благодетельствовать бедному люду. Но так красиво и громко только ему угодно называть свое учреждение, а в деле есть печатные объявления об открытии самой обыкновенной «гласной кассы ссуд» с капиталом в 5 тыс. руб. Насколько в действительности благодетельствовал Колосов окружающему его бедному люду, можно себе представить. Известны и его любовь к человечеству, и его щедрость. Недаром

же он был обвинен в Новгороде в неподании медицинской помощи задавленному ребенку. И, конечно, явное указание на его щедрость содержится в том, что он записывает в дневник «на память» о всяком несъеденном любимую девушкою куске, прибавляя: «а деньги заплачены», и подбирает сослуживший и разорванный купон, сравнивая разорвавшую его — с содержанкою. В благотворительных учреждениях Колосова прошли первые годы юности Ярошевича.

Здесь он привык видеть бедность лицом к лицу и привык сочувствовать этой бедности посредством выдачи ссуд за большие проценты. Затем, после ряда операций по гласной кассе ссуд, совершилась первая поездка Ярошевича, вместе с Колосовым, за границу. Они отправились 2 мая 1868 года, и путешествие их продолжалось месяц, причем они пробыли в Брюсселе, по показанию Ярошевича, двадцать, а по показанию Колосова — пятнадцать дней. Колосов говорил, что он ездил изучать *Mont de Piete*; до этого он заявлял, что поехал изучать тюрьмы, и, наконец, теперь он объясняет, что ездил вообще поразвлечься. Я полагаю, что ни одно из этих объяснений не удовлетворительно. Первое потому, что такие учреждения существуют и в России, и его собственное *Mont de Piete* уже действовало более года с успехом, достигая благотворительных для своего учредителя результатов. Что касается до посещения тюрем, то я думаю, что человек, который просидел в тюрьме 4 года, едва ли возымеет охоту посещать другие тюрьмы, особенно такие, в которых ему, вероятно, сидеть не придется. Наконец, относительно «вообще развлечения» вы знаете, что Колосов выезжал за границу первый раз, а известно, как большинство русских людей ездит за границу развлекаться: их путь лежит прежде всего на Париж. Между тем Колосов отправляется сначала в Брюссель, который в стороне

от прямой линии железной дороги на Париж, и живет в этом городе, в этой бледной и скучной копии Парижа, две, три недели. Ярошевич говорит, что Колосов хотел видаться в Брюсселе с его отцом, что в то время между ними завязались первые переговоры о будущем «деле». Хотя Колосов отрицает всякое знакомство с Ф. Ярошевичем, но мы знаем, что они были знакомы, да и можно ли предположить, чтобы, при близости Олеся к Колосову, последний хоть раз не зашел к отцу своего друга, чтобы он не видался и не беседовал с этим хитрым и предприимчивым стариком. С пребывания их в Брюсселе начинаются первые указания на предприятие подделки акций. В этом отношении у нас пред глазами оговор А. Ярошевича и документы, которые были прочитаны. Но оговору подсудимых верить, господа присяжные заседатели, не всегда следует, потому что это оружие обоюдоострое, и притом оговор очень часто является под влиянием различных соображений, совершенно чуждых истине и делу правосудия. Ввиду этого и к настоящему оговору следует относиться очень осторожно. Но когда, кроме такого оговора, вне его существует ряд обстоятельств, его подтверждающих, тогда можно поверить и ему. Кроме оговора, у нас есть письма участников дела, откровенные, искренние во всем, что касается подделки, так как они не предназначались для постороннего взора, и в конце одного из них есть даже внушительная приписка, что «камин есть лучшее хранилище писем». Это письма Никитина к Феликсу Ярошевичу и наоборот. В одном из писем Ф. Ярошевича, присланном уже после арестования Никитина, между прочим, есть такие выражения: «Вы думаете, что Колосов не станет мстить. Нет, он не таковский; он станет мстить, но сначала выберет из предприятия все то, что ему следует на его долю, а затем отомстит. Он не настолько глуп, чтобы этого

не сделать, и притом он зол». В одном из писем Никитина говорится: «Вы скажите доктору (Колосову), что при первом известии о ссоре вы, боясь, что нагрянет дядя Том, тотчас же уничтожили «товар». Но это, мол, ничего. Вы, мол, ступайте в Париж, погуляйте там в Мабилях и пр., а через две недели будет все готово. Главное, что слухи о ссоре вас напугали и товар потому был уничтожен. Покажите ему полное доверие». Из этого письма ясно, что и Никитин и Ф. Ярошевич несколько не сомневались, что Колосов знал о товаре и что судьба товара его интересовала. Иначе какое основание было бы Ярошевичу утверждать Колосову, что при первом известии о ссоре с ним сына он уничтожил акции. Если Колосов был чужд делу акций, то какие опасные последствия могла влечь для Феликса ссора сына с Колосовым? Ну поссорились, поругались, даже подрались, — что же из этого? Неприятный скандал — и только. Где же роковая опасность? Рассмотрим объяснения самого Колосова о том, каким образом он узнал о подделке акций. Колосов говорит, что когда он поссорился с Никитиным и Олесем и они, обругав его, чуть не побили и, на приглашение выкушать чайку, удалились с бранью, тогда он пошел к Никитину, чтобы разъяснить обстоятельства этой ссоры. Тут, по словам Колосова, Никитин объяснил ему, что его наговор на Ярошевича ставит его в опасное положение, что полиция может следить за ним, репутация его, Ярошевича, испортится и тогда откроется их предприятие. Какое? Подделка акций. Поэтому Никитин, только что собиравшийся бить Колосова, предложил ему посмотреть эти акции и просил не оставить их своим покровительством в этом деле, обещая за это 100 тыс. руб. Разберите это объяснение, и вы увидите, что оно шито белыми нитками и не заслуживает никакого уважения. Во-первых, кто сообщил об этих акциях? Никитин? Но

наговоры Колосова касались только Олеса. При чем же тут был Никитин и зачем ему было сознаваться вдруг, неожиданно, с первых слов? Ведь Никитин был человек, стоявший вне всяких подозрений, человек привилегированный по своему ученому положению и застрахованный своим званием ученого библиотекаря ученого учреждения от наговоров Колосова. Никитин, говорит Колосов, боялся его как агента тайной полиции, но зачем же он, в таком случае, бросается на него, на опасного агента, с палкой? Зачем он этому агенту, у которого, быть может, уже зреет донос на Никитина, вдруг, забыв всякую осторожность, раскрывает душу и кошелек, показывая на дне его 100 тыс. руб.? Зачем он, боясь указаний на неблагонадежность Ярошевича, самоотверженно дает богатый и обильный материал для доноса самого определенного и притом — для доноса на себя? Где тут смысл, где логика, где естественное чувство самосохранения? Вот лучшее доказательство неправдоподобности объяснений Колосова.

Первый вопрос, который возникает относительно участия Колосова в деле подделки акций, — мог ли он иметь побуждение участвовать в нем, было ли такое опасное предприятие ему удобно и заманчиво? Мы знаем, что он человек без всякой служебной карьеры; крестецкий острог и ложный донос на валдайского исправника многое ему испортили в этом отношении. Ему нужно поправиться. Но поправиться на служебном поприще едва ли можно, да если бы и занять какое-нибудь место, то — при всяком неудовольствии начальника — его новгородское прошлое ложилось бы тяжкою гирею на чашу весов служебного доверия и благоволения. Что же делать? Поправиться в другом отношении, сделаться капиталистом, крупным биржевым деятелем, занять в этом отношении видное место в обществе, где, по мнению Колосова, «все воруют»,